

**Международная конференция в Иркутске
«Сибирь в России, Россия в Сибири: история региональной политики
как фактор формирования сибирской идентичности»**

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего», – тонко подметил в свое время Михаил Ломоносов. Не удивительно, что события столетней давности по сей день занимают умы историков и исследуются с разных сторон. В преддверии столетия Октябрьской революции 27–29 сентября в Иркутске состоялась международная научно-практическая конференция «Сибирь в России, Россия в Сибири: история региональной политики как фактор формирования сибирской идентичности». Главными инициаторами научного форума выступили администрация города и Иркутский государственный университет. В конференции приняли участие свыше 60 человек, в том числе доктора исторических наук из разных университетских и академических центров России (Москвы, Иркутска, Новосибирска, Барнаула, Томска, Якутска, Читы, Улан-Удэ, Абакана и др.) и ученые из зарубежных стран (Франции, Кореи, Казахстана). Непосредственными организаторами конференции выступили Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова (С. И. Дубровин) и кафедра истории России ИГУ (Л. М. Дамешек).

В рамках конференции в Музее истории города Иркутска открылась выставка «Иркутск в октябре – декабре 1917 года», состоялась презентация книг «Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона» (Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 341 с.) и «Иркутск в 1917 году. Очерки политической истории губернского центра» (Иркутск : Оттиск, 2017 544 с.), прошел круглый стол по истории региональной политики в России в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда», была организована выставка научных работ кафедры истории России исторического факультета ИГУ, на которой наряду с монографическими и учебно-методическими работами сотрудников кафедры представлены известные серийные издания кафедры «Полярная звезда» (89 томов), «Азиатская Россия» (15 томов), «Сибирский город» (9 томов), «Сибирская ссылка» (20 томов).

Пленарное заседание конференции открыл мэр г. Иркутска Д. В. Бердников:

– События столетней давности по сей день вызывают много споров и дискуссий, однозначной оценки им нет. Безусловно, революция оставила заметный след в истории нашего края, но она не парализовала жизнь города и не выбила иркутян из колеи. Чего стоит один только факт, что в разгар революционных действий не утихла работа по созданию первого в Восточной Сибири университета. Думаю, грамотная неэмоциональная трактовка тех событий позволит нам более уверенно смотреть в будущее, – отметил он.

Участников конференции приветствовали проректор ИГУ по научной работе и международной деятельности доктор химических наук, профессор

А. Ф. Шмидт и член Всероссийского организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 г., руководитель школы исторических наук НИУ «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, профессор А. Б. Каменский, который в своем выступлении подчеркнул, что Иркутск на протяжении длительного времени являлся не только административным, но также политическим и культурным центром Восточной Сибири, поэтому факт проведения такой крупной конференции именно в Иркутске является вполне закономерным.

Наибольший интерес участников вызвали доклады, представленные на пленарном заседании. В совместном докладе профессоров ИГУ Л. М. и И. Л. Дамешек «Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в.» была поставлена проблема оценки окраинной политики империи с точки зрения влияния ее на устойчивость российской государственности на протяжении довольно длительного времени – XVIII– начала XX в. Авторы давно занимаются изучением этой темы, о чем свидетельствует цикл публикаций – статей¹ и монографий² – по вопросам окраинной политики.

В докладе подчеркивалось, что в политическом отношении Российская империя к началу XIX в. являлась конгломератом множества регионов – как внутренних, так и окраинных. Вырабатывая основы окраинной политики по отношению к конкретной территории, правительство руководствовалось значением региона для государства, которое определяло его место в составе империи. В случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать данный факт в законодательном порядке. Это выражалось в разной степени распространения на присоединенных территориях общеимперского законодательства: от сочетания общеимперского, местного законодательства и традиционного права (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства.

Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессионального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских про-

---

¹ Дамешек И. Л. Особые комитеты как форма управления окраинами империи (XVIII – начала XX в.) // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. История. Вып. 8. 2004 г. С. 16–28; Дамешек И. Л. Имперская концепция власти на российских окраинах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2005. Т. 4, вып. 2 : История. С. 40–44; Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 85–100; Дамешек И. Л. Российская империя и имперские окраины: в поисках модели управления // Территориальное устройство Российского государства: история и современность : сб. науч. тр. Сер. Ист. правоведение / под общ. ред. Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой. СПб., 2016. С. 179–199.

² Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.; Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 246 с.; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма. Иркутск, 2009. 389 с.; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия. Иркутск, 2015. 223 с.

цессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и практики в региональном измерении. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. Во всех регионах – Польше, Финляндии, Кавказе, Сибири – наблюдается стремление царизма опереться на местную элиту. Здесь допускалось «иностранческое» самоуправление на низшем уровне, которое в значительной степени было аналогом российского крестьянского самоуправления (за исключением степных дум). В отличие от первой половины XIX в., когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал более жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики. Тем не менее на протяжении XIX – начала XX в. окраинная политика была отражением основных целей и задач, стоявших перед имперским правительством.

С большим вниманием участники пленарного заседания отнеслись к докладу доктора исторических наук, профессора Н. П. Матхановой (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск). В Иркутске хорошо знакомы с научным творчеством профессора Н. П. Матхановой, связанным с изучением деятельности генерал-губернаторов Восточной Сибири¹, сибирской мемуаристики² и чиновничества Азиатской России³. На этот раз исследователь

¹ Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. В. Я. Руперт, Н. Н. Мурашев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 425 с.; Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 22–30.

² Матханова Н. П. Сибирская мемуаристка XIX в. Новосибирск, 2010. 547 с.; Записки военного врача Н. И. Вишнякова. Сер. История Сибири. Первоисточники. Вып. 14. Новосибирск, 2011. 339 с.; Иркутск в сибирской мемуаристке XIX в. // Иркутску 350 лет – история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» (Иркутск, 12–13 окт. 2011 г.). Иркутск, 2011. С. 35–42; Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым (дневник В. Д. Философова и письма Н. М. Голицына) // Гуманит. науки в Сибири. 2012. Вып. 4. С. 56–62.

³ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2002. 255 с.; Дело «О ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири» // Изв. ИГУ. Сер. История. 2015. Т. 11. С. 133–159; Записки иркутского жителя И. Т. Калашникова: рукопись и публикация // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 591–600; Записки забайкальских казаков XIX в.: П. В. Белокопытов. Дневник. Ю. В. Раевский. Путевые записки. Сер. История Сибири. Первоисточники. Вып. 15. Новосибирск, 2016. 214 с.; Сибирские губернаторы и епископы XIX в.: контакты, конфликты, компромиссы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 202–207; Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Изв. Иркут. гос. ун-

представил доклад на тему «Между имперской столицей и сибирским социумом: проблема региональной самоидентификации деятелей администрации XIX в.». В центре исследования была поставлена задача изучения процесса постепенного сближения интересов высокопоставленных администраторов и местного общества. В этом смысле идея корреспондируется с высказанными ранее замечаниями родоначальника демократического направления в историографии России А. П. Щапова и публикациями некоторых иркутских историков¹. Однако дополненная новым фактическим материалом, данная мысль приобрела особое звучание в плане исследования вопросов складывания сибирской идентичности и абсолютно точно вписывается в основную канву конференции. Наряду с этим Н. П. Матханова поставила перед исследователями задачу изучения предпосылок объективного расхождения интересов центра и региона, что, несомненно, имеет место и сегодня.

Профессор Национального исследовательского Томского государственного университета В. П. Зиновьев свое выступление посвятил компаративному анализу региональных центров управления в России, основное внимание уделив особенностям организации управления сибирскими городами Томском, Омском и Иркутском. Автор доклада справедливо отметил, что вопросы, связанные с изучением территориального управления в России, в историографии еще не получили должного освещения. Между тем именно в региональных центрах управления сосредоточивались территориальные учреждения управления центральных органов власти – министерств и ведомств. В Сибири, по мнению В. П. Зиновьева, такими центрами можно считать Омск, Томск, Иркутск. С этим утверждением автора доклада применительно к истории Сибири XIX – начала XX в. следует согласиться. Однако для более раннего отрезка сибирской истории – XVII в. – в этот перечень необходимо добавить еще и Тобольск. Обращает на себя внимание и тот факт, что профессор В. П. Зиновьев известен главным образом как исследователь вопросов экономического развития Сибири и ее хозяйственного освоения². Тем более примечателен его посыл о необходимости изучения истории формирования и деятельности территориальных органов власти и управления. Здесь следует заметить, что такие исследования в Иркутском государственном университете уже ведутся. На одном из секционных заседаний был представлен доклад магистранта кафедры истории России Л. В. Шигильдеевой на тему «Совет Главного управления Восточной Сиби-

---

та. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 22–30; М. С. Корсаков в Иркутске: коммуникативные практики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 57–66.

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Город в системе губернского управления. Иркутск в панораме веков. Иркутск, 2002. С. 159.

² В качестве примере одной из последних работ укажем следующую: Зиновьев В. П. Экономическое положение горнорабочих Сибири в конце XIX – XX в.: истоки социальной идентичности. Томск, 2016. 257 с.

ри 1822–1887 гг.: права и обязанности на основании «Учреждения для управления Сибирских губерний»¹.

Участникам пленарного заседания представилась возможность услышать выступление одного из самых молодых докторов исторических наук Сибири, главного научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН А. А. Борисова (Якутск) «Область как альтернативная форма регионального управления на северо-востоке Российской империи». В докладе, пока еще в постановочной форме, была озвучена проблема выявления общих закономерностей и особенностей деятельности органов управления в Якутской области. Этот регион, в географическом отношении занимающий территорию крайнего северо-востока России, самостоятельный статус области приобрел в 1851 г. в результате административных преобразований генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева². Несмотря на прошедший с тех пор длительный в хронологическом отношении отрезок времени, тема эта в монографическом плане никогда не изучалась. Поэтому данная проблема как предмет исследования, несомненно, актуальна. Нельзя не приветствовать и тот малоизвестный факт, что в академическом институте, от имени которого на конференции выступал А. А. Борисов, такие исследования уже ведутся рядом молодых ученых – А. И. Архиповой³ и А. Д. Васильевым.

Профессор М. В. Шиловский из Новосибирского государственного университета представил доклад «Сибирские объединения РПЦ в революции 1917 года (на примере Томской епархии)». По мнению ученого, на конфессиональную ситуацию в Сибири накануне и во время социальных катаклизмов 1917 г. оказали влияние такие факторы, как массовое переселенческое движение, многонациональный состав населения и религиозный абсентизм старожилов. Проанализировав решения съездов верующих и духовенства сибирских епархий в 1917 г., М. В. Шиловский приходит к заключению о плюрализме мнений по вопросам участия РПЦ в политической жизни, взаимоотношений церкви и государства, покровительства со стороны последнего в отношении клира. В целом степень активности сибиряков в изучаемой сфере была минимальной. Данные наблюдения представляют несомненный интерес. Следует, однако, заметить, что они выполнены на материалах одной Томской губернии, население которой в начале XX в. в этническом отношении было представлено в основном русскими православными крестьянами, проживающими в сельской местности. По материалам переписи 1897 г., русское население губернии составляло 887 968, или 93,8 % от

¹ Шигильдеева Л. В. Совет Главного управления Восточной Сибири 1822–1887 гг.: права и обязанности на основании «Учреждения для управления Сибирских губерний» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 30–37.

² Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.

³ Архипова А. И. Кадровая политика на северо-востоке России как отражение интересов центра и региона (вторая половина XIX в.) // Иркут. гос. ун-та. ИГУ. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 72–77.

общей численности населения губернии в 948 277 душ обоего пола¹. Однако в Сибири были и другие губернии и области, например Забайкальская и Якутская, значительную часть населения которых составляли коренные народы – буряты и якуты, отнюдь не тяготеющие к православию. Было бы интересно проследить позицию населения этих регионов по исследуемому вопросу. Таковы, в основном, мысли и суждения, прозвучавшие во время пленарного заседания. Далее работа конференции была продолжена в двух секциях «Сибирское общество и власть: политика, экономика, культура» и «Столетие двух российских революций: мифы, реальность, наследие», в работе которых приняли участие исследователи из Абакана, Улан-Удэ, Новосибирска, Владивостока, Иркутска, Красноярска, Читы и Якутска. Всего на секциях было заслушано более двадцати докладов и сообщений. Ведущими секционных заседаний выступили доктора наук А. А. Иванов, В. П. Шахеров, доцент Т. А. Перцева. Такая активность исследователей из различных регионов страны хорошо объяснима. Во-первых, это возможность поработать на столь представительной дискуссионной площадке, что нечасто встретишь даже в богатом высшими учебными заведениями Иркутске, во-вторых, и это главное, заданная в названиях секций проблематика совершенно точно отразила интересы историков страны последних двух-трех лет: столетие Октябрьской революции действительно требует исторического осмысления и оценки профессиональных историков с позиций сегодняшних подходов и знаний. Ведь хорошо известно, что в советское время изучению Великой Октябрьской социалистической революции были посвящены десятки тысяч разноплановых исследований. Историки из центра страны и регионов (в том числе, конечно же, и Сибири) стремились показать объективность революций 1905 и 1917 гг., выявить специфику оппозиционного движения на окраинах и в европейской части империи. Их выводы ценны и сегодня, ведь они были сделаны на основе богатейшего документального материала, тысяч «фактов и фактиков», собранных в архивах, музеях и библиотеках страны. Да простят нас современные историки, молодые наши коллеги, но далеко не всякая нынешняя диссертация имеет такую разнообразную и разноплановую источниковую базу. И пусть эти исследования имели известную политическую окраску, заметный пропагандистский и агитационный оттенок, однако их фактическая сторона, обилие документального материала, «населенность» действительными, а не вымышленными героями не может не вызывать уважения и сегодня.

С началом 1990-х гг. в историографии трех русских революций наступил смертельный перелом. Из востребованной и «всегда актуальной» научной темы она в одночасье превратилась в предмет совершенно необъективной критики, при этом профессиональные историки, к сожалению, повсеместно «сдались без боя», отказавшись от ее научной ревизии и дальнейшего изучения. Февраль и Октябрь стали уделом публицистики; политики всякого уровня, пытаясь скрыть собственную некомпетентность или нечисто-

---

¹ Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. Иркутск, 2007. С. 301.

плотность в решении социальных и экономических проблем страны, стали указывать (и делают это до сих пор) на великие революции как на источник всех современных народных бед и страданий.

Будем реалистами: такое плачевное состояние темы во многом сохраняется и до сих пор. Однако юбилей революций не мог остаться незамеченным и привлек внимание как широкой общественности (санкционированное, кстати, на самом высшем уровне), так и специалистов-историков различных поколений. Столетие, минувшее с того времени, уже позволяет если не полностью осмыслить, то хотя бы попытаться взглянуть на эти события непредвзято, более взвешенно и аргументированно, с позиций различных идеологий представить вековой путь, пройденный страной. Считаем, что сегодня создаются все предпосылки для подлинно научного, объективного изучения данной темы. Именно этой целью руководствовались участники конференции, стремясь отразить предельно правдивую историческую картину тех событий, а главное, вскрыть их внутренние причины, особенности и противоречия.

Проблематика докладов, представленных в первой секции, касалась различных аспектов (как положительных, так и отрицательных) взаимоотношений центра и регионов, в данном случае – Сибири. При этом следует учитывать (и во многих докладах это прозвучало достаточно отчетливо), что и для самой Сибири были присущи определенные внутренние противоречия, своеобразное противостояние местных административных центров (Иркутск) и периферии (Якутия, Забайкалье). История становления системы сибирского управления, особенности ее функционирования и влияния на общественную жизнь были рассмотрены в докладах А. А. Иванова (Иркутск), А. Д. Васильева (Якутск), М. Ю. Кузнецова (Иркутск), Ч. Г. Андреева (Улан-Удэ), А. В. Ануфриева (Иркутск). Наибольший исследовательский интерес был проявлен к проблемам складывания сибирских культурно-исторических традиций в области просвещения и образования (Н. Н. Мамкина, Чита), И. Н. Юрганова (Якутск), Т. А. Константинова (Чита), Г. В. Оглезнева (Иркутск). Внимание слушателей привлекли доклады, посвященные формированию сибирской идентичности, рассмотренной на примере как различных социальных групп (Ю. М. Гончаров, Барнаул; Н. И. Гаврилова, Иркутск), так и отдельных оказавших существенное влияние на сибиряков личностей (М. В. Константинов, Чита).

Объектом исследований, представленных в секции, посвященной столетнему юбилею российской революции, стали, в первую очередь, события 1917 г. в Иркутске. На примерах новых государственных и общественных структур (Л. В. Шапова, Иркутск), военных сил (П. А. Новиков (Иркутск), банков (В. П. Шахеров, Иркутск), медицинских учреждений (В. А. Шаламов, Иркутск) исследователи смогли и выявить общероссийские черты тех судьбоносных для страны событий, и объяснить причины определенного своеобразия происходившего в Восточной Сибири, на что указывали, не вдаваясь в подробности, историки прошлых лет. Развитие идей Октябрьской

революции и расширение географии ее влияния в восточном регионе рассмотрено в докладе Л. В. Кураса (Улан-Удэ).

Анализ выступлений участников секционных заседаний свидетельствует о том, что в Сибири на протяжении XIX в. развивались схожие с центром социальные, политические и экономические процессы. Недовольство городских низов, демократической интеллигенции, лишенных возможности участия в политической жизни громадного региона, должно было неизбежно вылиться в активные формы протеста. Имевшийся же в Сибири разительный контраст между бедностью и богатством, отсутствие реального соучастия в делах управления краем политизировало сибирское общество, радикализировало его меньшую часть, что не могло не способствовать оформлению оппозиционных настроений.

В конце XIX – начале XX в. в городах региона возникают рабочие и ученические кружки, происходит слияние пролетарского и социалистического движений. В начале 1900-х здесь образуются организации РСДРП, затем возникают отдельные эсеровские группы. В оппозиционное движение в 1905–1917 гг. были вовлечены самые различные слои сибирского общества – от радикально настроенных рабочих и приказчиков, социал-демократов и социалистов-революционеров до либеральной интеллигенции. При этом все слои, существенно расходясь в методах и формах борьбы, требовали главного – немедленной смены (свержения) самодержавия, установления демократической республики, созыва Всероссийского учредительного собрания. Катализатором всеобщих оппозиционных настроений выступила Первая мировая война. Она действительно стала переломным этапом в истории России, привела к смене политического и экономического строя, трансформации демографической и социальной структуры общества, его ценностных установок, изменению уклада повседневной жизни миллионов людей.

В принятой по итогам конференции резолюции ее участники выразили благодарность организаторам, отметили как положительное явление факт своевременной публикации материалов конференции, что в последнее время встречается далеко не часто, наметили проблематику будущей конференции, которую решено провести в 2019 г.

Л. М. Дамешек, заместитель председателя оргкомитета конференции,
А. А. Иванов, Т. А. Перцева, члены оргкомитета